

прошлом наиболее развитым жанром народной прозы. Ее разновидности рассматриваются в книге в соответствии с общепризнанной классификацией по системе Аарне — Томсона. Авторы стремятся показать прежде всего национальные особенности сказочного творчества, что вполне оправданно. Специальная глава посвящена народным анекдотам.

Большое внимание уделено преданиям — это и понятно, ибо именно народные предания легли в основу эстонского поэтического эпоса «Калевипоэг». Предания подразделяются на этиологические, мифологические, топонимические, предания о великанах и богатырях и исторические предания.

В отдельной главе рассматриваются так называемые сказы — устные рассказы, которые в русской фольклористике принято называть бывальщинами. Эти короткие художественные рассказы, основанные на личном переживании самого рассказчика или какого-либо другого лица, получили широкую популярность, хотя их «распространенность... может ограничиваться, например, даже одной деревней... Их существование во времени часто не превышает жизни одного поколения» (с. 286). Но это несомненно интересное явление духовной жизни народа, и его необходимо изучать точно так же, как физики изучают какую-нибудь элементарную частицу, «жизнь» которой может длиться доли секунды.

Наиболее динамичным и постоянно изменяющимся жанром народной поэзии и в наши дни являются поговорки и пословицы, обогащающие живую речь, делающие ее сочной, красочной и выразительной. Этот жанр народной поэзии рассматривается в заключительном разделе — «Пословицы и загадки». Авторам удалось дать довольно полную картину бытования поговорок и пословиц.

Большое внимание они уделяют загадке, одному из очень древних видов народно-поэтического творчества, раскрывая ее функциональные связи, в частности с обрядами сватовства.

В заключение остается еще раз подчеркнуть, что выход в свет книги «Эстонский фольклор» — очень нужное и полезное дело. Было бы целесообразно дополнить эту хорошую книгу антологией эстонского фольклора на русском языке, в которой были бы представлены основные жанры и виды народной поэзии.

Следует сказать, что перевод рецензируемой книги на русский язык выполнен достаточно хорошо, хотя порой и встречаются досадные оплошности. Это касается прежде всего иллюстративного материала, главным образом песен, переводы которых перенасыщены областной лексикой, диалектными и устаревшими словами и выражениями. Нельзя признать удачным и употребление слова «сказывать» в значении «рассказывать» или слова «сбор» вместо общепринятого в фольклористике «собрание» (пронзведений народного творчества).

Однако эти замечания ничуть не умаляют заслуженно высокой оценки рецензируемой книги и того огромного труда, который вложили в ее создание авторы. Жаль только, что издана она весьма скромным тиражом.

Э. С. Киуру

Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XXXVI. Л.: Наука, 1980, 224 с.

Рецензируемый сборник «Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР» посвящен в основном публикации и теоретическому осмыслению новых краниологических материалов из коллекций отдела антропологии Музея антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград). Большое место занимают в сборнике работы, посвященные тем или иным аспектам проблемы происхождения центральноазиатской расы: географии, хронологии и ведущим факторам в ее генезисе.

Н. Н. Мамонова в статье «Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии» публикует большую серию черепов (46 мужских и 28 женских) скифского времени из Улангомского могильника на территории Западной Монголии, а также данные о более мелких и в основном неизвестных широкому читателю находках на территории Западной Монголии и Алтая скифского времени (Бух-Мурын, Манхан, Уландрык — материалы изучены В. П. Алексеевым). Эти черепа скифского времени сопоставляются с одновременными краниологическими сериями из Западной, Центральной и Восточной Тувы, Горного и Предгорного Алтая, а также с более ранними краниологическими сериями тагарской культуры Минусинской котловины и двумя ранее неопубликованными уникальными черепами афанасьевской эпохи из Западной Монголии (Баян Хонгор). Автор считает, что в скифское время на территории Западной Монголии, как, по-видимому, и на сопредельных территориях Алтая и Тувы, происходил процесс метисации, очевидно, местного европеоидного населения с постепенно проникающими в эти районы Центральной Азии монголоидами. Таким образом, Западная Монголия, вероятно, была частью более широкого региона формирования специфических особенностей центральноазиатской расы.

В статье В. И. Богдановой «Новые палеоантропологические материалы конца I тысячелетия н. э. из Тувы» сделана попытка определения доли европеоидного и монголоидного компонентов в нескольких краниологических сериях тюркского времени с территории Тувы. Материалом для такого анализа послужили небольшие краниологические серии тюркского времени из Центральной Тувы (Аргалыкты и Кара-Тал), из Западной Тувы (Кокэль — неопубликованные данные, представленные в распоряжение

автора статьи В. П. Алексеевым) и Юго-Западной Тувы (Монгун-Тайга — серия опубликована в 1960 г. В. П. Алексеевым). Черепа из этих могильников сравниваются между собой, с материалами более ранних эпох (скифской и гунно-сарматской), а также с небольшой краниологической серией современных тувинцев (Центральная Тува). В. И. Богданова проследивает динамику формирования антропологического типа населения Тувы эпохи тюркских каганатов. Процесс этот можно описать как постепенное усиление доли монголоидного компонента, причем происходило это, очевидно, за счет притока сюда нового населения (особенно в гунно-сарматское время). По сравнению с предшествующими эпохами в тюркское время отмечается и большая однородность населения на этой территории. При сопоставлении с современными тувинцами оказалось, что в целом население конца I тысячелетия н.э. характеризуется менее резко выраженной монголоидностью. Это дает автору основание для вывода о довольно позднем формировании антропологического типа современных тувинцев — представителей центральноазиатской расы, а неоднородность изученного материала тюркского времени (как и предшествующих эпох) позволяет предположить, что в этом процессе принимали участие «расово разнородные компоненты».

Крайне интересным и важным является введение в научный оборот еще одной краниологической серии, относящейся к центральноазиатской расе, а именно якутов. Автором статьи «Новые материалы по краниологии современных якутов» Л. Ф. Томтосовой было собрано 38 черепов якутов XVIII—XIX вв. из Алексеевского р-на Якутской АССР, что вместе с имевшимися ранее в коллекциях МАЭ и музея Института антропологии МГУ теперь составило серию из 39 мужских и 27 женских черепов. Эту серию автор сравнивает с помощью обобщенного расстояния Пенроза с современными краниологическими сериями народов Сибири, а также с некоторыми палеоантропологическими материалами с территории Прибайкалья и Забайкалья. Оказалось, что из современных народов якуты меньше всего отличаются от западных бурят, монголов, тункинских бурят и тувинцев (т. е. групп центральноазиатской расы). Далее всего отстоят от них краниологические серии, относящиеся к южносибирской расе (казахи, киргизы), промежуточное положение занимают группы байкальской расы (тунгусы, юкагиры). Из палеоантропологических материалов наиболее сходной с якутской оказалась серия черепов гуннского времени из Забайкалья, глазковская серия из Приангарья и средневековая из Усть-Талькина. Более всего отличаются от якутов неолитические серии их Верхоленья. Интересно, что все древние серии отличаются от якутской краниологической серии больше, чем современные с территории Сибири. Это, как считает автор, может свидетельствовать о сравнительно позднем формировании современных антропологических типов Сибири, однако нам кажется, что для такого вывода необходим более детальный анализ материала.

Широко освещена проблема происхождения центральноазиатской расы, как уже было сказано, в статье И. И. Гохмана «Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов». В основу анализа легли данные по горизонтальной профилированности лица и переносья у представителей центральноазиатской, байкальской и южносибирской рас, а также в краниологических сериях эпохи неолита, энеолита и бронзы из Прибайкалья, Забайкалья и Тувы. Часть материалов публикуется впервые (сборная серия неолита и энеолита и новые материалы из плиточных могил Забайкалья, черепа из могильников Аймырлыг XIII и Байдаг III эпохи бронзы из Тувы). При этом используются новые, обладающие высокой таксономической ценностью показатели профилированности лица и переносья: общая профилированность лица, общая профилированность переносья, модуль профилированности и указатель профилированности лица и переносья. На межгрупповом корреляционном поле, где осями являются показатели профилированности лица и переносья, а также при картографировании общего указателя и модуля профилированности группы центральноазиатской расы заняли промежуточное положение между байкальскими и южносибирскими, причем было выявлено, что различия в профилированности переносья значительно сильнее, чем в профилированности лица. Ближе всего к байкальским группам оказались западные и тункинские буряты, к южносибирским — монголы и особенно калмыки. Подробно рассмотрен автором и вопрос о возможном времени формирования центральноазиатской расы. И. И. Гохман приходит к выводу о довольно позднем сложении (вероятнее всего, во второй половине II тысячелетия н.э.) характерного для центральноазиатской расы комплекса признаков и в качестве основного фактора расообразования указывает на метисацию. Однако характер, направление и интенсивность процесса метисации были различными на разных территориях и в разные исторические эпохи. По-видимому, в Забайкалье на основной монголоидный пласт накладывалась небольшая европеоидная примесь, в то время как в Туве первоначально мощный массив европеоидного населения был почти полностью поглощен монголоидами.

Отчасти вопросы, связанные с проблемой происхождения центральноазиатской расы, затрагиваются также в статьях А. Г. Козинцева «Дискретные признаки на черепах эпохи бронзы из Южной Сибири (К проблемам методики изучения краниологического полиморфизма)» и А. Б. Радзюн «Эпохальные вариации элементов посткраниального скелета у населения Забайкалья».

А. Г. Козинцев подробно освещает в своей работе проблему дискретных признаков (ДП) черепа, вопросы терминологии, методы их фиксации, приводит программу из 38 ДП. Даются рекомендации по наиболее удобной форме публикации первичных данных, обсуждаются различные способы вычисления частот ДП. Методы их статистического анализа демонстрируются на примере серии черепов афанасьевской, андроновской, карасукской и тагарской культур эпохи бронзы Минусинской котловины, Приобья и Алтая. Автор показывает, что, хотя между этими сериями черепов есть достоверные

различия в частотах ДП, суммарное расхождение между ними в силу целого ряда причин не существенно. Исследователям, работающим с ДП, рекомендуется сосредоточить усилия на изучении межгрупповой изменчивости отдельных признаков. Несомненным достоинством этой статьи является огромная библиография по теме.

А. Б. Радзюн на материале остеологических коллекций МАЭ с территории Забайкалья анализирует эпохальные вариации элементов посткраниального скелета. Хронологические рамки исследования — от неолитических погребений в Забайкалье вплоть до современных бурят. Оказалось, что почти все размеры длинных костей у современного населения этой территории больше, чем у населения эпохи неолита, бронзы и раннего железа, гуннского времени и средневековых кочевников. Однако, с другой стороны, наблюдается процесс «внутренней грацилизации» (увеличения медуллярных указателей плечевой кости, уменьшение массы компактного вещества на единицу длины кости).

Ряд статей сборника посвящен проблемам формирования антропологического типа населения Европейской части СССР.

Статья В. П. Алексеева «Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма» заполняет лакуну в изучении палеоантропологии Крыма — впервые публикуется серия черепов из мусульманских погребений XVIII — первой половины XIX в. из коллекций МАЭ и музея Кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии в Ленинграде (30 мужских и 22 женских черепа). В работе приводятся таблицы индивидуальных данных. Автор относит изученную краниологическую серию к европеоидной расе и видит аналогии комплексу характеризующих ее признаков у представителей памиро-ферганской расы. В. П. Алексеев считает, что формирование антропологического типа мусульманского населения Крыма произошло в результате тюркизации местного древнего населения этой территории.

Статья А. В. Шевченко «Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (по краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе)» продолжает традицию палеоантропологического изучения средневекового населения низовьев Волги и сопредельных районов, начало которой было положено работами В. В. Гинзбурга, Т. А. Трофимовой и др. Автор удачно использует результаты анализа конструкции могильной ямы и элементов погребальной обрядности (свидетельствующих, по-видимому, о различной этнической и религиозной принадлежности погребенных) в качестве критерия для разбивки хан-тюбинской серии на части. Широкое сопоставление ее с краниологическими материалами евразийских степей, а также привлечение многочисленных археологических, исторических и другого рода источников делает вполне убедительными выводы о необходимости датировки могильника, о принадлежности его поселению городского типа половецкого времени с населением по преимуществу хазарского происхождения. Кроме того, автором впервые вводится в научный оборот серия половецких черепов с территории Калмыцкой АССР.

Р. М. Фаттахов в статье «Новые антропологические материалы со Средней и Нижней Камы» предлагает вниманию читателей черепа первой половины I тысячелетия н. э. из Чепанинского, Нарманского, Покровского могильников в Прикамье. По мнению автора, данная краниологическая серия неоднородна и в ней выделяются те же два компонента, которые были зафиксированы М. С. Акимовой на материалах ряда могильников Прикамья и Приуралья. Один из них (долихокранный, со среднешироким, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом) автор объясняет контактами населения Прикамья с южными европеоидами начиная с эпохи бронзы. Второй, более широколицый и уплощенный, можно интерпретировать либо как результат контактов европеоидных и монголоидных групп на этой территории, либо как реликт древнего недифференцированного типа, известного по материалам из могильников лесной полосы Восточной и Северо-Западной Европы. Автор статьи склонен присоединиться ко второй точке зрения.

Работа В. И. Хартановича «Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова» посвящена антропологическому составу и отчасти происхождению одного из самых своеобразных народов Северной Европы — саамов (лопарей). Материалы по краниологии саамов Кольского полуострова до последнего времени практически отсутствовали. Этот пробел был восполнен экспедициями во главе с Т. В. Лукьянченко и И. И. Гохманом в 1976 г. и В. И. Хартановичем в 1977 г. В результате были собраны краниологические серии по четырем территориальным группам саамов (могильники Йоканга, Чальмны-Варрэ, Варзино и Пулозеро). Самой представительной и одновременно своеобразной в антропологическом отношении оказалась серия черепов из Чальмны-Варрэ: ей уделено в работе особенно большое внимание. Изучена внутри- и межгрупповая изменчивость и коэффициенты корреляции краниологических характеристик группы Чальмны-Варрэ. Четыре краниологические серии саамов Кольского полуострова сопоставляются, с одной стороны, между собой и с саамами Финляндии, а с другой — с представителями угорской и самодийской групп по методу Пенроза. Автор считает, что, по всей вероятности, локальные варианты антропологического типа саамов сложились главным образом в результате недавнего смешения с пришлым европеоидным населением (русскими поморами, карелами и, возможно, скандинавами), и ранжирует изученные группы саамов по степени общей близости к исходному «лапаноидному» типу (Чальмны-Варрэ, Пулозеро, саамы Финляндии, Йоканга, Варзино). Последнее находит подтверждение и в данных этнографических исследований различных территориальных групп саамов Кольского полуострова.

Статья Ю. Д. Беневоленской «Группо-разграничительные свойства признаков затылочной области черепа» продолжает цикл соответствующих работ автора. Исследуется проблема изменчивости параметров затылочной области черепа и их взаимосвязи

между собой и с основными диаметрами черепной коробки. Такой подход вместе с тем дает автору возможность привести конкретные рекомендации относительно таксономической ценности данных параметров черепа. С этой целью изучено 15 краниологических серий, представляющих современные популяции человека, широко используются литературные данные по краниологии народов мира. Ю. Д. Беневоленская считает, что среди признаков затылочной области нет ни одного абсолютно независимого от общих размеров черепа, и основную причину этого явления совершенно справедливо видит в компенсаторных свойствах структур черепной коробки. Но, как нам представляется (этот вопрос специально изучался нами на примере внутри- и межгрупповой изменчивости характеристик медианно-сагиттальных контуров черепа, результаты еще не опубликованы), автор несколько преувеличивает компенсаторную способность затылочного отдела черепа по сравнению с тем же качеством у прочих (и особенно лобного) отделов черепа.

Кроме того, в работе выделены две группы характеристик затылочного отдела черепа. В первую вошли те из них, которые тесно связаны с тотальными диаметрами черепа (внутригрупповые связи порядка 0,1—0,5, межгрупповые — 0,7—0,8), и поэтому их мировое распределение не отличается существенно от такового у указателей черепной коробки. К ним относятся углы наклона верхней и нижней частей затылочной чешуи, указатели изгиба всей чешуи и верхней ее части, степень выступания затылочной области. В другую группу вошли признаки, имеющие самостоятельное значение для расовой дифференциации, т. е. слабо связанные с основными диаметрами черепа (внутригрупповые связи — 0,2, межгрупповые — 0,1—0,5). К этим признакам относятся, например, высота затылка и затылочно-теменной указатель.

Завершает сборник «Систематическое описание коллекций отдела антропологии», составленное И. И. Гохманом и А. Г. Козинцевым. Публикация его начинается с материалов эпохи палеолита, мезолита, неолита и энеолита. Обзор коллекций построен по хронологическому принципу и внутри отдельных исторических эпох материал расположен в определенном географическом порядке. Приводятся сведения об авторах, годах и месте раскопок, подробная датировка материалов. К описанию почти каждой коллекции приложен библиографический список как археологических, так и антропологических публикаций. Сообщается, что каталог будет продолжать печататься в последующих томах Сборника МАЭ и его завершает предметный и географический указатели.

Публикация новых краниологических материалов, применение современных методов исследования и рассмотрение широкого круга вопросов, представляющих как теоретический, так и практический интерес, делают рецензируемый сборник несомненно полезным и нужным не только для антропологов, но и для всех интересующихся проблемами расо-и этногенеза народов СССР. Кроме того, хочется верить, что с выходом его в свет возродится традиция специально антропологических выпусков «Сборников МАЭ», что послужит дальнейшему развитию и пропаганде новейших достижений советской антропологии.

Ю. К. Чистов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

W. S. Laughlin. Aleuts: Survivors of the Bering Land Bridge. N. Y., Holt, Rinehart and Winston, 1980, 151 p.

С именем известного американского антрополога, профессора Коннектикутского университета В. С. Лафлина связаны в последние десятилетия разработки сложной проблемы первоначального заселения Нового Света. Большое место при этом занимает в его исследованиях древняя история алеутов, как одна из ключевых в данной проблеме. Изучать алеутов Лафлин начал во время экспедиций, организованных Смитсоновским институтом на Алеутские и Командорские острова (1937—1938 гг.) под руководством выдающегося американского антрополога Алеша Грдлички. С конца 50-х годов Лафлин возглавляет программу комплексного междисциплинарного изучения алеутов, с участием ученых других стран. С именем Лафлина связано выдающееся событие в археологии Аляски — он открыл и подробно исследовал на о. Анангула (Алеутские острова) стоянку человека, возраст которой 8700 лет, и определил принадлежность ее предкам алеутов¹. В раскопках стоянки в 1974 г. по приглашению В. С. Лафлина и в установлении корреляции ее с древними азиатскими культурами участвовали советские археологи во главе с акад. А. П. Окладниковым².

¹ В советской печати труды В. С. Лафлина получили наибольшее отражение в следующих работах: Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973; Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975; *ее же*. «Алеутская проблема» в новейших зарубежных исследованиях. — В кн.: Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979 и т. д.

² Лафлин В. С., Окладников А. П. Совместные исследования американских и советских археологов на Анангуле (Алеутские острова, Аляска). — В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975; Окладников А. П. и Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.